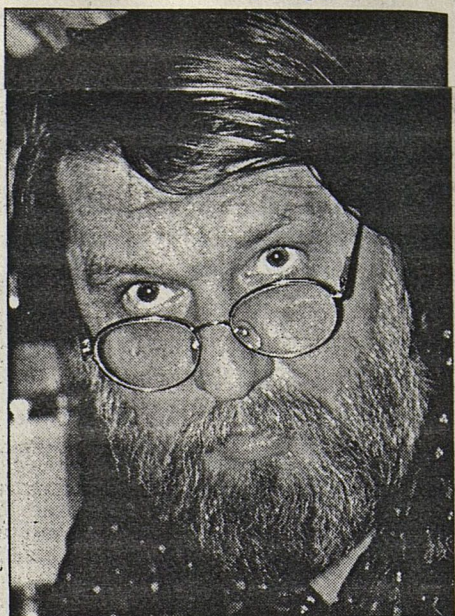

Поменяют ли новые русские «Мерседес» на картину?

Рос. газета, — 2001. — 15 март. — с. 8
Выражение «нет пророка в своем отечестве» сегодня не совсем верно. Вопрос в другом: может ли прокормить отечество своих «пророков»? Известный русский художник Иван Лубенников, «приложивший руку» к оформле-

нию Театра на Таганке, музею Маяковского в Москве, к русскому разделу музея Освенцима, создатель неповторимого живописного стиля, размышляет сегодня, как чувствует себя творец на рынке.

— По словам некоторых мастеров кисти, в советское время им мешал работать Союз художников. Кто и что мешал сейчас?

— Да никто никогда не мешал! Вообще запретить заниматься творчеством никто не может. У меня есть подвал — мастерская, я сижу здесь и пишу все, что захочется. Другое дело, что могут не публиковать, не давать звания, но это к свободе не имеет никакого отношения. А помешать работать лично мне может, к примеру, плохая погода или неважное расположение духа.

— Насколько болезненно вы пережили переход страны от «развитого социализма» к «недоразвитому капитализму»?

— Тяжелым переход для меня не был. В Советском Союзе я имел много заказов в архитектуре, что давало изрядные средства к существованию. После того как все рухнуло, монументальные произведения перестали заказывать, а музеи — скупать наши работы, мне при-

шлось «сдаться» западным галереям.

— На ваш взгляд, художник может сделать себе имя в России?

— Скандальное — сделать легко... Доброе имя сделать всегда труднее. Не позволять себе никакого карьеризма и стяжательства достаточно сложно. Поэтому многим приходится как-то вертеться и совершать не очень достойные поступки. Меня Бог миловал, потому что я достаточно зарабатываю: мои картины нормально продаются.

— Значит, писать жем «новых русских», чтобы заработать на хлеб насущный, вам не приходилось?

— К счастью, нет. Мне вообще не приходится выполнять заказов — работаю, как работаете, получаю удовольствие, а мне за это еще и платят. Если вы имели в виду понятие «конъюнктура», то ведь оно не денежное, а мифологическое. Когда человек является носителем ремесла, денежный вопрос стоит про-

сто: ремесло должно кормить. А конъюнктура — создание некоего мифа о себе, успех у начальства. В любом случае это не из нашей профессии. Хотя, работая в условиях рынка, приходится выбирать, что везти в Америку, что в Европу.

— Сергей Довлатов писал о русских эмигрантах, для которых стал открытием факт, что газета является товаром. По-вашему, нормально, что искусство становится товаром?

— Конечно. Причем это хороший способ вложения инвестиций. Если произведение искусства серьезное, то со временем оно становится еще дороже.

С одной стороны, то, что делается в мастерской, по сути, не товар, поскольку возникает из ничего. Вообще творчество (не люблю говорить высокие слова), как мне кажется, — своеобразная компенсация невозможности деторождения у мужчин. Я страшно в этом смысле завидую женщинам: у них сразу появляется живое. Искусство в лучших своих образцах — тоже живое. Ты, конечно, получаешь огромное удовлетворение, когда понимаешь, что из твоего сознания, от плоти рук твоих рождается то, чего еще никогда не существовало. А потом, когда картину заканчиваешь и на ней появляется бирка с ценой, она уже становится товаром.

— Почему ваш основной покупатель живет за границей?

— Там людям, имеющим деньги, не нужно их тратить на 600-е «Мерседесы», ведь даже очень богатые граждане ездят на маленьких удобных машинах. Плюс вкус. У нас сама действительность настолько аскетична, что такой же стиль в жизни, в искусстве мало кто понимает. Роскошь рассматривается как обилие «красоты», чтобы всего было много — это отражается и в произведениях искусства, и в мебели, и в одежде... А роскошь на самом деле — возможность жить просто, ясно, когда человек может позволить себе зажигать сигарету спичкой.

Я за рубеж езжу только «на гастроли» — на свои выставки. Остается там — ни за что! И не по каким-то идейным соображениям, просто данность. Мне здесь комфортно, я могу работать только в России.

— Существует ли, на ваш взгляд, российский художественный рынок?

— Формируется. Я знаю западный рынок — там все происходит по абсолютно ясным и чистым правилам. Конечно, не обходится без конкуренции, без «перетягивания каната», но это нормально в цивилизованном обществе, где хватит

на всех, и на всех найдутся свои покупатели. Там есть галереи, которые представляют совершенно разное искусство, но при этом корректно относятся друг к другу. У нас же всегда идет война. Жизнь — в постоянном противостоянии. Беда российских арт-галерей в том, что они «вкусовые», то есть их владельцами являются художественные критики. Как только в России наступит эпоха взаимного уважения, так все сформируется. И дело даже не в политике, а в смене поколений.

— Известный галерейщик Марат Гельман сказал в одном интервью, «что политика помогает искусству»...

— Это его проблемы. Мне этот тезис не подходит. Политика — ситуативна, искусство — вечно. К примеру, какой-либо банк предлагает свои услуги по финансированию художественного проекта — это растение нашего брата. Сначала — халявные деньги, за которые потом приходится расплачиваться. А деньги нужно зарабатывать, то есть сначала — труд... Некоторые галерейщики все время пытаются найти безумные средства, чтобы в результате от них ничего не осталось.

— Вы преподаете в МГАХИ им. В.И. Сурикова. Не ущемляет ли наша образовательная система свободу творчества по сравнению с западной?

— На самом деле на западе художественного образования просто не существует. Ведь, кроме академического, другого быть не может. Учащийся должен научиться рисовать, пользоваться художественными материалами, знать историю искусств. Учить детей вольнодумству смысла нет, их жизнь научит. Зачем же это делать в школах и институтах? Меня пригласили в Мексику, в Мехико, в Академию художеств читать лекции. Захожу в роскошный класс, смотрю — стоит натурщик, как полагается, дети рисуют дым. Педагог спрашивает: «Ну как?» Отвечаю: «Зачем натурщика мучаете? Если уж он стоит, будьте любезны, скажите, чтобы учащиеся рисовали его. А если вам нужно, чтобы у них на холстах был дым, отпустите мужика». Или, к примеру, во Франции ко мне подходили молодые люди, закончившие «родные» художественные вузы, и спрашивали, как можно приехать в Россию учиться.

Я изначально пошел преподавать прежде всего для того, чтобы у моих детей были вменяемые современники.

Беседовала Оксана ГОЛОВКО.

«Флора». 1996 год.